

ПЛУТОВСКОЙ РОМАН В АНГЛИИ КАК ЗЕРКАЛО СВОЕОБРАЗИЯ ЕЕ МОДЕРНИЗАЦИИ В XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Анализируются специфические черты, присущие английскому плутовскому роману, в частности отличающие его от испанских образцов этого жанра. Автор стремится показать, что эта специфика не случайна, а является отражением иных, нежели в Испании, установок общественного сознания. Более гладкое протекание в Англии процессов модернизации, перехода от феодального, традиционного общества к буржуазному и рыночному способствовало тому, что коллективное бессознательное англичан среднего класса продолжало опираться на устойчивый набор норм социального поведения и избегало в значительной мере того морально-психологического кризиса, который отличал испанское общество этой эпохи.

Ключевые слова: английский плутовской роман; модернизация; социальное поведение.

Быстрое протекание и непрерывность процесса модернизации стран Западной Европы на рубеже Нового времени во многом зависели от широкого комплекса условий, среди которых важнейшими были: развитие городов и денежного рынка, формирование национальной, относительно централизованной государственности, укрепление связей между сословиями, достаточная «открытость» элиты. Наличие этих феноменов не только давало толчок экономическому росту и политической стабильности, оно существенно смягчало «моральный кризис», который неизбежен для всякого общества в эпоху перемен. Показателен пример Англии, где, несмотря на конфликт, связанный с официальным изменением вероисповедания, рост преступности, усиливавшуюся веру в колдовство и гендерную тревожность, общественная сфера, по словам Ю. Хабермаса, «отличалась согласованным характером» [1. С. 3]. Эта согласованность, как представляется, во многом поддерживалась за счет успешного формирования позитивной социопсихологической идентичности англичан, внутренней уверенности общества в собственных силах, отсутствия неопределенности в ситуации морально-нравственного выбора.

И одной из ярких черт складывающегося общественного мнения в Англии конца XVI – начала XVII в. была лояльность общества по отношению к сложившимся в более ранний период моральным и поведенческим нормам. Прежние представления о мироустройстве, устоях государственной власти, отношениях между полами и поколениями, при всех возникавших порою острых дискуссиях, не подвергались разложению и обесцениванию, тотальной эрозии в глазах современников. Речь, разумеется, идет не о полном отсутствии в сознании англичан XVI – начала XVII в. тревожных нот, неизбежных в эпоху жестких экономических, социальных и религиозных преобразований, а о том, что тревожность эта не привела к системному психологическому кризису, к потере основ, на которых строились отношения внутри социума. Под системным кризисом в данном случае понимается эрозия основных ценностных установок в общественном сознании, когда традиционные аксиомы, касающиеся веры, чести, труда, долга, семьи, перестают быть аксиомами, оспариваются, осмеиваются и деформируются, что проявляется как в сфере мысли, так и в повседневных практиках.

Как показано в работе О.Н. Папушевой, испанский плутовской роман XVI – первой половины XVII в. указывает на наличие системного духовного кризиса не только в маргинализированных, практически декласси-

рованных слоях пикаро и апикарадо, но и в испанском обществе в целом [2]. Не случайно пикарески, едва возникнув, оказались востребованы и читаемы в самых разных кругах, а впоследствии составили костяк особого жанра, который, видоизменяясь, дожил в европейской литературе до XIX в. Однако произведения, целиком посвященные рассказам о плутнях, преступлениях и живописующие биографии воров и мошенников на рубеже XVI и XVII вв., обрели популярность не только в Испании. Эта тематика переживает подъем практически во всех странах Западной Европы. В этой статье речь пойдет лишь о классических плутовских романах, хотя в английской литературе основная масса «историй о преступлениях» приходится на памфлеты и площадные баллады, чему в дальнейшем будет посвящена отдельная работа.

Как известно, популярность плутовского романа быстро и далеко перешагнула испанские границы, и во Франции, Англии, Нидерландах, германских землях стали появляться многочисленные переводы, а впоследствии – и подражания этому жанру. Переводы появлялись стремительно, и англичане, французы, швейцарцы знакомились с испанскими пикаресками порою всего на год-другой позже, чем сами испанцы. Так, анонимная «Жизнь Ласарильо с Тормеса, его невзгоды и злоключения», изданная в Испании в 1554 г. (возможно, в 1550 г.) [3. С. 10], впервые переведена на французский в 1561 г., а на английский – в 1569 г. «Гусман де Альфараче» Матео Алемана (1599) на французском языке появился уже в следующем, 1600 г., а на английский был переведен в 1622 г. [4. С. 96].

Но процесс перевода означал также интерпретацию текста, которая порою приводила к серьезным качественным изменениям в понимании романа, его основных идей, палитры настроений и смыслов. Классическим примером мог бы стать сюжет «Хромого беса» Луиса де Гевары, обработанный во Франции А.Р. Лесажем в начале XVIII в. Английские переводные пикарески также обретали иные, несвойственные им в оригинале черты. Кэлхоун Винтон, анализируя как переводные, так и отечественные плутовские романы, изданные в XVI–XVII вв. в Англии, указывает, что ближайшими «родственниками» плутовского романа для них являлись не столько «классические» испанские образцы этого жанра, сколько книги о путешествиях и биографии преступников [5. С. 79–93].

Для английской аудитории, полагает Винтон, испанские пикарески были, прежде всего, интересны благодаря своей экзотичности и рассматривались перево-

дчиками и издателями как «книги о путешествиях», обязательными приметами которых были в XVI в.: описание географического положения чужой страны, ее климата, дорог, продуктов питания и обычаев местных жителей. Весьма характерным примером является тот факт, что в 1622 г. переводчик «Гусмана де Альфараче», Джеймс Мабб, счел нужным сопроводить этот роман обширными примечаниями, в которых привел рассказы о ряде достопримечательностей и обычаев Испании.

Таким образом, если для испанских авторов плутовского романа путешествия героев служили поводом для того, чтоб шире представить разнообразие человеческих плутней, обозначить приметы всеобщей нечестности или даже «сумасшествия» окружающего мира, то английские переводчики отдавали предпочтение путешествию как способу ознакомиться, оставаясь сторонним наблюдателем, с незнакомым миром.

Этот подход можно охарактеризовать не столько как сатирический, сколько как развлекательно-туристический. Не менее характерно, что роман Матео Алемана «Гусман де Альфараче» англичане прочли в переводе под заглавием «The Life of Guzman D'Alfarache: or, The Spanish Rogue». «Rogue», т.е. «вор, мошенник» в елизаветинском лексиконе – слово бранное, порой служившее основанием для обращения с жалобой на клевету в духовный суд [6. С. 298]. Оно означало не психологическую характеристику, как, например, «плутоватый человек», а настоящую криминальную профессию.

Испанский пикаро может быть солдатом, слугой, нищим, студентом, обедневшими идалго, он не привязан жестко ни к одной социальной страте, и наиболее характерными в этой сфере являются его вечные попытки найти себе доходное и уважаемое занятие, «выше лба прыгнуть», по слова Паблоса, героя романа Франсиско де Кеведо. Результатом этих попыток становится вечное разочарование, возвращение к плутовству, вечная маргинальность, невозможность по-настоящему вписаться в социальную структуру. Более того, сама эта структура, увиденная глазами пикаро, представляется пирамидой, построенной на плутнях и воровстве. Английский мошенник в плутовском романе или памфлете – это, прежде всего, вор в прямом смысле слова, плут-профессионал, не выражающий желания сменить род занятий на более «приличный». У него не возникает неразрешимого психологического противоречия между стремлением войти в круг признанных обществом «добропорядочных граждан» и компенсаторным желанием доказать, что сам этот круг – лишь фикция.

Едва ли отмеченное различие подходов объяснимо, если мы попытаемся анализировать его, исходя исключительно из анализа реального уровня преступности в Испании и Англии во второй половине XVI – начале XVII в. С середины XV в. обе страны были подвержены общим изменениям в количественном и качественном составе преступного мира. С обострением социальной и экономической поляризации общества происходил отчетливый рост всех видов преступлений, по данным Майкла Вайсера, практически удвоение их количества с 1550 по 1700 г. [7. С. 80]. Значимым отли-

чием передовых в экономическом отношении регионов от отсталых было лишь преобладание преступлений против имущества над преступлениями против личности [7. С. 82]. И в Испании, и в Англии в городской среде быстро формировалось криминальное дно, отличавшееся высокой профессионализацией и своеобразным «разделением труда», формированием собственных властных иерархий, своим языком и обычаями [8]. Но в Англии читательский интерес был привлечен к уголовному миру как к социальной страте «рег се», страте, достаточно четко отделенной от всех других невидимым, но прочным барьером, мошенничество и воровство не угрожали пронизать все общество, т.к. пронизывает его плутовство в испанских романах.

Эти особенности восприятия темы плутовства проступают еще более явно, когда английские писатели сами начинают экспериментировать с жанром пикарески. Нужно отметить, что в английском литературоведении принято говорить о расцвете жанра отечественного плутовского романа лишь начиная с XVIII в. Обычно к нему относят произведения Тобиаса Смоллета и «Молл Фландерс» Даниэля Дефо.

Когда же речь заходит об истоках жанра, мы встречаемся с крайней малочисленностью образцов этого жанра в XVI–XVII вв.

Первым плутовским романом в Англии принято считать произведение Томаса Нэша «Злополучный путешественник, или Жизнь Джека Уилтона» [9]. На первый взгляд, главный герой, Джек Уилтон – типичный пикаро, «первый из плутов», «король бутылей и жестяных кружек». Он служит пажом в английской армии Генриха VIII, ведущего войну во Франции, и не столько воюет, сколько веселится, всяческими хитростями добывает себе бесплатную выпивку и устраивает каверзы несимпатичным ему личностям.

Однако проделки Уилтона, жестокие по отношению к пострадавшим, тем не менее, отчетливо морально санкционируются автором романа. Объектами его нападков служат люди отнюдь не относящиеся к честным и достойным. Первая жертва Уилтона – дворянин, который, тем не менее, в лагере превратился в жирного кабатчика, наживающегося на продаже солдатам втридорога вина и мяса. Этого кабатчика Уилтон запугивает мнимой немилостью короля и вынуждает раздать солдатам даром все свои припасы, а королю, чтобы умиловить монарха, пожертвовать свое имущество в Англии.

Таким образом, кабатчик получает заслуженное наказание и за нечистую наживу, и за забытую фамильную честь. Разделяясь с прочими своими «жертвами» Джек также не забывает подробно описать читателю их мерзостный облик: это капитан, плутующий при игре в карты, бабник-швейцарец и проворовавшиеся писари.

Но есть ли здесь отличие от того, что мы находим в испанских пикаресках? Ведь и там хватает весьма неприятных «обманутых обманщиков», над которыми куражатся пикаро. К примеру, Ласарильо с Тормеса надувая скупого и жестокого слепца или скрягу-священника, также чувствует себя правым. Но совершенно противоположны картина мира Ласарильо и Джека: первый, изоцряясь в проделках против слепца,

одновременно учиться у него изворотливости и аморальности, в них видя надежное средство к улучшению своей жизни. «...После бога даровал мне жизнь этот слепой, и он же, не будучи зрячим, просветил и наставил меня на правильный путь» [10. С. 211]. Ведь практически все, с кем жизнь сталкивает Ласарильо, дон Паблоса или Гусмана де Альфараче – обманщики, воры, лстивые лизоблюды. Для Нэша и его героя мир довольно четко делится на людей честных (пусть порой и простодушных) и тех, кто запятнал себя низкими поступками и, таким образом, сам напросился на то, чтобы с ними разделались. Насмешки Уилтона не распространяются на всех, кого он видит вокруг себя, они не касаются ни короля, ни его придворных, ни армии в целом.

Герой издевается скорее над отщепенцами этого воинско-героического мира, подчеркивая противоречие нормы и моральных отступлений от нее. Вот коллективный портрет одной из жертв его остроумия: «Компания продувных писарей (повязанная Сатаной, а не солдатским воротником или лентой от шляпы) ошпылила благонамеренных бедняг, воруя их провиант. Мимо них и грошик из жалованья убитого солдата не проскочил бы; ни монетки не дали бы они вперед на неделю тому, кто потратил все деньги, не дождавись конца текущей. Нагло смотрели они на величайших и благороднейших оруженосцев в своих белоснежных и наизящнейших рубашках и манжетах...» [9. С. 13].

Хитрому пажу Нэша присуще чувство братского коллективизма, отсутствующее у испанских пикаро. Так, перепугав писарей ложной тревогой, Джек Уилтон вскрывает их конторки не только для себя, но и для прочих воинов короля. И точно так же распределяется добыча от надувательства кабатчика: «К следующему дню, скажу вам, мы получили свою долю сидра – сидр в бочках, в чашах, в шлемах и, если бы кто захотел налить себе сидра полные сапоги, он мог бы так и поступить; провиант сам лез в солдатские карманы, хотели солдаты того или нет. Мы пять раз подряд пальнули в сторону города ничем иным, как втулками и кранами от опустошенных бочек; у каждого рядового, как у Диогена, была своя бездельная бочка, чтоб спать в ней. Мне самому досталось столько отнятых у буфетчиков фартуков, что хватило из них сшить палатку не меньше офицерской» [9. С. 8]. Раблезианскую добычу от своей проделки Джек Уилтон, не задумываясь, щедро делит со всеми солдатами в лагере.

Характерно также и то, что Джек, порою получая заслуженные кары за свои проделки, принимает их по-разному. Он негодует на плутни итальянских дам легкого поведения или претензии римского ростовщика-еврея, когда становится их жертвой, поскольку видит в этих фигурах отпетых мерзавцев.

Иное дело, когда наказание приходит от короля и соответствует проступку Джека. В финале приключения с кабатчиком выяснилось, что король, изумленный «переменной ума в своем бароне сидра» дознался об обмане, и приказал высечь Уилтона. Однако же, добавляет не без гордости Джек, много вечеров впоследствии воспоминания о проделке веселили короля и его свиту. Погуляв всласть в военном лагере, Джек Уилтон, пугается возникшей эпидемии и отправляется пу-

тешествовать по Франции, Швейцарии и Италии, а роман из повествования о мошеннических проделках быстро превращается в серию путевых заметок, а также драматических и поучительных историй, происходящих с Джеком и его спутниками. Это снова напоминает нам о мнении К. Винтон, согласно которому веселые приключения плута часто воспринимаются англичанами как канва для рассказа о путешествиях.

Заканчивается роман назидательно: много настрадавшись, став свидетелем казни жестокого и нераскаянного преступника, Джек Уилтон женится на своей любовнице и возвращается на родину, чтобы вести благопристойный образ жизни. Этот момент осознается героем как возвращение домой, и в прямом, и в моральном смысле: «К такой честной жизни это побудило меня, что еще до отъезда из Болоньи я женился на своей куртизанке, совершил много дел благотворительности, и так спешил оставить Италию, этот Содом, что уж через сорок дней прибыл в лагерь короля Англии, между Ардом и Гинэ во Франции, где с великим триумфом он встречал и угощал императора и французского короля, и пировал много дней подряд. И, раз началась моя история с короля в Турнэ и Теруане, то, думаю, подобает и закончить ее королем у Арда и Гинэ» [9. С. 68].

Если Италия и ее нравы для Нэша – содом, мир преступлений и предательств, то Англия на этом фоне мыслится как образец мира и порядочности: «Так пусть рассказывают вам об удивительных происшествиях, изменах, отравлениях, разврате во Франции, Испании и Италии; нет вреда в том, чтобы о них слушать, но сами и близко туда не суйтесь» [9. С. 53].

Смысл испанского плутовского романа, едко и порой жестоко живописующего родное для авторов общество, выворачивание наизнанку всех традиционных представлений о чести, наживе и долге, как видим, ярко контрастируют с романом Нэша, для которого пропитаться пороком может весь мир, но не Англия, а система базовых ценностей непоколебима. Джек Уилтон усвоил уроки жизни, и они заключались для него в том, что плутовство, простительное в молодости и по легкомыслию, не может вести человека по жизни иначе, чем к позорной казни.

Различие между финалом «Злополучного скитальца» и финалами романов Кеведа, Алемана, анонимного автора «Жизни Ласарильо с Тормеса» бросается в глаза. Разумеется, судить о том, насколько типичен взгляд Нэша на мир для английской литературы о преступлениях в целом, было бы слишком смело. Тем более, что «Злополучный скиталец» пользовался, если судить по количеству переизданий, меньшей популярностью, чем другие произведения того же автора. После двух прижизненных переизданий романа, он не публиковался более ста лет [11. С. 61]. И в целом, при продолжающемся увеличиваться количестве переводных испанских романов, английские беллетристы не спешили подражать этому жанру, и лишь в 1665 г. появился новый значимый образец плутовского романа – «Английский вор» Ричарда Хэда [12].

Автор намеренно дает читателям основания полагать, что источником вдохновения для него послужили именно испанские романы. Название его книги отсылает

ет читателя к «Испанскому Вору», переводному названию «Гусмана де Альфараче».

На испанский манер построена говорящая фамилия главного героя, Меритона Латруна (Meriton Latroon), она происходит от испанского «ladron», вор. Наконец, в предисловии автор защищает себя от тех читателей, кто скажет, что «это всего лишь коллекция из Гусмана, Бускона и других, кто писал о том же предмете, и я лишь выжал из них сок (добавив несколько собственных ингредиентов)» [12. С. VII].

Хэд уверяет, что английский вор, да с толикой ирландского вранья, да с малостью шотландского упрямства, легко заткнет за пояс всех итальянских, испанских и французских воров. Но здесь, в отличие от романа Нэша, мы сталкиваемся с иным типажом главного героя. И авторское стихотворное вступление, и сама история Меритона Латруна подчеркивают: перед нами не просто остроумный проказник, не маргинал, ищущий, где приткнуться в жизни, а вор-профессионал. Меритон был сыном англиканского пастора в Ирландии, в юности отец его любил подбоширить, за что и был изгнан из университета, так что Хэд, в данном случае, как и авторы испанский пикаресок, дает понять: яблочко от яблони недалеко падает. Отец Меритона погиб во время бунта в Ирландии, а сын начал свои деятели с воровства в садах соседей, дебошей и романов со служанками. Отосланной матерью учиться, он предпочел бросить все и присоединиться к банде бродячих цыган, вместе с ними странствовал по Англии, попал в Лондон, где последовательно был занят нищенством, профессиональным воровством, а под конец стал подмастерьем, случайно, и с единственной целью – обворовывать хозяина. После Латрун снова вернулся к воровству и отправился странствовать по Европе и португальским колониям в Индийском океане.

Как и у Нэша, роман в этой части отчетливо начинает походить на туристический справочник: «Глава 72. Оттуда он направляется в До-Церн, как называли его португальцы, которые, наподобие Адама (или, с позволения сказать, слишком вольно подражая ему), присваивают имена всем новым местам и вещам. Голландцами он называется Маврикием. Вот общее его описание...» [12. С. 446]. Переходя от потрясающих экскурсий к склонам огнедышащего вулкана к выманиванию товаров у китайских купцов, Латрун заканчивает свою эпопею тем, что женится на темнокожей, но очень богатой индианке.

Хэд, вольно или невольно, поставил двойной барьер «экзотичности» между своим героем и читателем. Во-первых, повествование с обилием экзотических стран и редкостей, выглядит скорее авантурным романом о путешествиях, чем осмеянием английского общества XVII в. Во-вторых, сам Латрун экзотичен для «порядочного человека», читающего роман: он профессиональный преступник. Его мир загадочен, это мир цыганского табора, общества слепых, шайки воров, завсегдатаев притонов. Хэд подробно и со вкусом описывает от имени Меритона профессиональные уловки и трюки воров, нищих и

сутенеров, и даже включает в роман краткий словарь выражений на цыганском аргю.

В этом отношении «Английский вор» чрезвычайно напоминает короткие памфлеты о мошеннических проделках, очень популярные на рубеже XVI и XVII вв. в Англии. С легкой руки автора наиболее яркого из таких памфлетов, Роберта Грина, их стали называть «кони-кэтчингами» [13. С. 17]. Это выражение примерно можно перевести как «ловля кролика», где кролик – это обычный обыватель, потенциальная жертва мошенничества.

Основная соль большинства кони-кэтчингов – подробный рассказ о том, как может шайка негодяев одурачить честного человека, основная цель – предостеречь этого честного человека. Как правило, такой памфлет сопровождается одной или двумя анекдотическими историями, иллюстрирующими рассказ, и кратким словарем воровских терминов.

Что касается морального посыла кони-кэтчинга, то он в высшей степени традиционен: воровство и обман наказуемы, честность должна быть нормой отношений, памфлет же – одно из средств эту норму подкрепить.

Плутовской роман Хэда отличается теми же моральными ориентирами, что и кони-кэтчинги. Стихотворный подзаголовок к ранним изданиям «Английского вора» предупреждает:

«Read, but don't Practice: for the Author findes,
They which live Honest have most quiet mindes», –
«Читай, но не делай: ведь автор считает:
Кто живет честно, у того душа спокойней всего».

Завершая бурную историю Латруна, Хэд приходит ко вполне стандартному для английской площадной литературы заключению: «Порок обычно в своей величайшей отваге по глупости обнаруживает себя, думая так создать себе Свиту; а затем то, что есть тайная работа Совести, обращает его оружие против него и громко выступает на стороне его неумолимой противницы, Добродетели. Мы часто обращаемся к добру от противоположного, и дурные дела спасают Добродетель от чар Порока» [12. С. 465].

Роман Хэда, по всей видимости, отвечал запросам читательской аудитории и оказался востребованным: к 1667 г. появилось уже пять его изданий. Более того, «Английский вор» породил серию из продолжений, также опубликованных под его именем, но, по мнению литературоведов, принадлежащих перу другого автора, Фрэнсиса Киркмэна [5]. До конца XVII в. вышло из печати уже семнадцать изданий первой части.

Английское образованное общество (а плутовской роман в Англии, судя по таким факторам, как цена, объем, язык, предназначался для среднего класса и элиты) маркировало сферу хаоса и криминала очень четко: преступление принадлежит иным странам и отдельной страте, корпорации воров. Обман, жульничество, грабеж как основа повседневных отношений всех со всеми не стали доминирующим мотивом в английской плутовской литературе XVI–XVII вв., в отличие от испанской пикарески, что не случайно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere, Cambridge, 1962.
2. *Панушева О.Н.* Кризис испанского общества конца XVI – первой половины XVII в. сквозь призму полидисциплинарного анализа ментальности пикаро: Дис. ... канд. истор. наук. Томск, 2005.
3. *Томашевский Н.* Предисловие // Плутувский роман. М., 1989.
4. *Beasley Jerry C.* Translation and Cultural Translatio // The Picaresque: a symposium on the rogue's tale, ed. by Carmen Benito-Vessels, Michael O. Zappala, University of Delaware Press, 1994.
5. *Winton Calhoun.* Richard Head and Origins of the Picaresque in England // The Picaresque: a symposium on the rogue's tale / Ed. by Carmen Benito-Vessels, Michael O. Zappala University of Delaware Press, 1994.
6. *Ingram Martin.* Church courts, sex and marriage in England, 1570–1640. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
7. *Weisser Michael R.* Crime and punishment in early Modern Europe. Brighton, Sussex: The Harvester Press Limited, 1979.
8. *Griffiths Paul.* Lost Londons. Change, Crime, and Control in the Capital City, 1550–1660. Cambridge University Press, 2008.
9. *Nashe Th.* The Unfortunate Traveller or The Life of Jack Wilton. London, 1594.
10. *Жизнь Ласарильо с Тормеса, его невзгоды и злоключения* // Плутувский роман. М., 1989.
11. *Jones Ann Rosalind.* Inside the outsider: Nashe's Unfortunate traveler and Bakhtin's Polyphonic Novel // ELH. 1983. Vol. 50, № 1.
12. *Head Richard.* The English Rogue described in the life of Meriton Latroon, a Witty extravagant being a complete history of the most eminent cheats of both sexes. L., 1665.
13. *Joad Raymond.* Pamphlets and pamphleteering in early modern Britain. Cambridge; New York; Melbourne, 2003.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 апреля 2010 г.